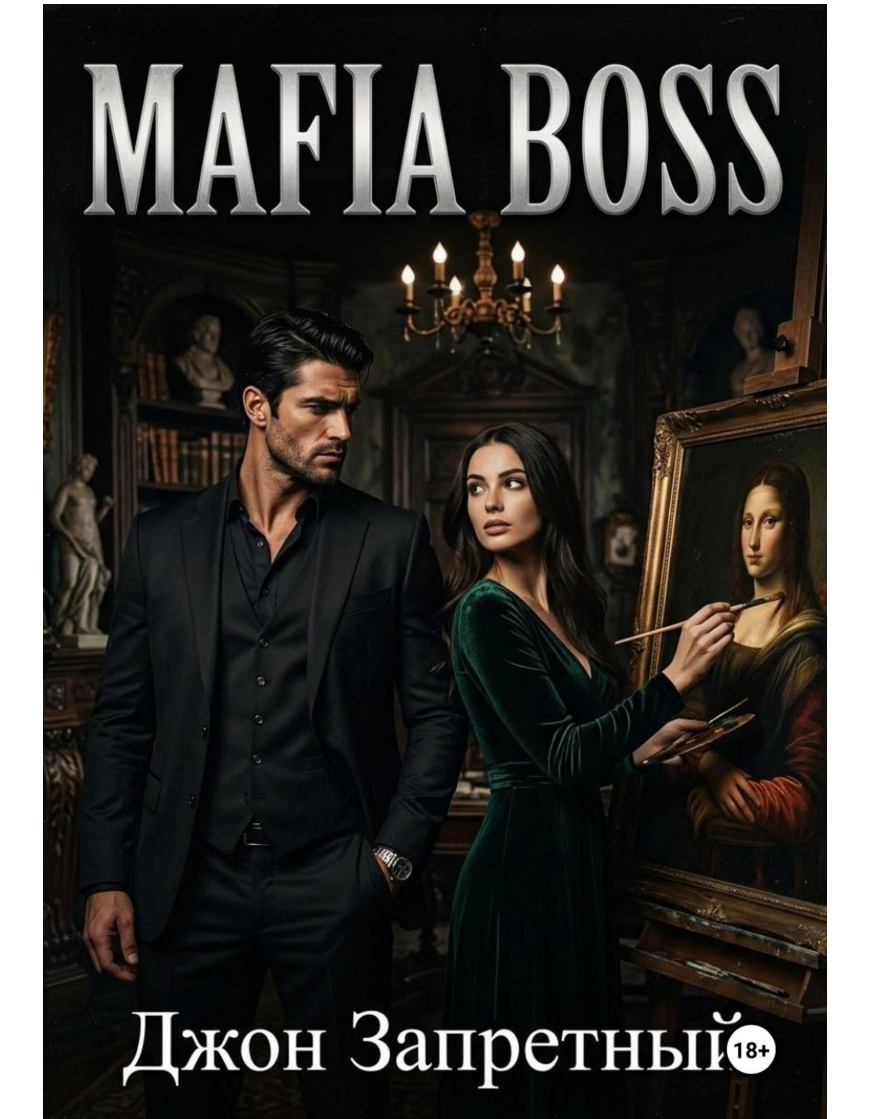

MAFIA BOSS

A man in a black suit and a woman in a green velvet dress are in a museum. The man is looking at the woman, who is painting a Mona Lisa replica. The background features a chandelier, statues, and bookshelves.

Джон Запретный 18+

Джон Запретный

Mafia Boss

<https://litres.ru/74616088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настя Воронова, 24 года, художница-реставратор, привыкла работать с тем, что разрушено — возвращать краскам яркость, трещинам — смысл. Её жизнь была тихой: мастерская, запах скипидара, старые рамы, кофе в бумажном стакане. Она знала, как чинить сломанное. Не знала только, что некоторые вещи ломаются до конца.

Матвей Раевский, 34 года, — человек, чьё имя произносят шёпотом. Он не просто глава криминальной империи, он — архитектор страха. Холодный, расчётливый, красивый той опасной красотой, от которой хочется отвернуться и смотреть одновременно. Он не верит в любовь. Не верит в случайности. Но когда на его территории появляется женщина, которая не должна была там быть, — он делает то, что никогда не делал: оставляет её живой.

Это не история про спасение. Это история про то, как два человека с разбитыми жизнями пытаются не уничтожить друг друга. Про власть, которая разъедает. Про страсть, которая не спрашивает разрешения.

При подготовке текста использовалась нейросеть DeepSeek.

Содержание

Чужая кровь	4
Правила тишины	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джон Запретный

Mafia Boss

Чужая кровь

Утром Настя пожалела, что вообще взяла этот заказ.

Причина была простой: слишком много денег. Она назвала сумму, которую обычно стеснялась называть, потому что бабушка учила не задирать цену. Женщина на другом конце провода даже не торговалась. Просто сказала: «Хорошо. Когда сможете начать?» И всё. Ни вопросов про опыт, ни про сроки, ни про то, что она вообще умеет. Настя тогда подумала, что это странно. Потом подумала, что странно — это не про неё. Странно — это когда клиент просит скидку, а потом исчезает. А тут деньги пришли на карту в тот же вечер. Она смотрела на смс от банка и грызла ноготь на большом пальце, пока не почувствовала вкус лака.

Особняк стоял в тридцати километрах от МКАД, в стороне от шоссе, за старым сосновым бором. Дорога к нему была разбита: ямы, лужи, осыпавшийся асфальт. Настя ехала медленно, руль держала крепко, как будто он мог вырваться. По обе стороны тянулись заборы, серые, местами покосившиеся, за ними — пустые участки, брошенные дома, сухая трава по пояс. Здесь никто не жил. Здесь даже собаки не лаяли.

Только ветер шевелил ветки, и это было единственное, что издавало звук.

Сам особняк она увидела не сразу. Он вырос из-за поворота неожиданно, как будто кто-то поставил его там специально, чтобы напугать. Тёмный камень, высокие окна с остатками витражей, колонны у входа, одна из них треснула почти до основания. Крыша местами провалилась. Стены поросли плющом, и плющ был настолько густой, что казалось, будто дом кто-то обнимает. Настя остановила машину, выключила двигатель и посидела минуту, глядя на это.

Красиво. И страшно.

Ей выдали ключи от боковой двери и код от сигнализации, которую, судя по виду, никто никогда не включал. Внутри пахло сыростью, пылью и чем-то ещё, что Настя не смогла определить. Может, старой мебелью. Может, мышами. Может, временем. Она прошла по коридору, включила фонарик на телефоне, потому что электричества не было. Свет выхватил лепнину на потолке, потрескавшуюся, но всё ещё красивую. Паркет под ногами скрипел. Каждый шаг отдавался эхом, и эхо было длинным, как будто дом был больше, чем казался снаружи.

Фрески были в западном крыле. Она нашла их почти сразу. Огромная стена, метров десять в длину, и на ней — сцены, которые невозможно было разобрать целиком. Краска осыпалась, лица стерлись, но что-то угадывалось: фигуры, деревья, вода. Настя провела рукой по стене, не касаясь, про-

сто чтобы почувствовать воздух рядом. Бабушка говорила: «Сначала слушай, потом трогай». Она слушала. Стена молчала.

Работа заняла весь день. Настя расстелила пленку, разложила инструменты, начала снимать верхний слой грязи. Работала медленно, потому что спешить здесь было нельзя. Каждое движение — как хирургия. Она промокала тампоном, смотрела, как проявляется цвет, и это было единственное, что заставляло её чувствовать себя живой. Когда она реставрировала, мир сужался до размера ладони. Всё остальное исчезало: долги, одиночество, пустая квартира, пустой холодильник, пустой вечер. Оставалась только краска.

К четырём часам она поняла, что проголодалась. В сумке был бутерброд, но она не стала его есть. Просто села на пол, прислонилась к стене и закрыла глаза. В доме было тихо. Слишком тихо. Тишина давила на уши, как будто что-то должно было произойти, но не происходило.

Она уехала в пять. Женщина на телефоне сказала: «Не приходите после шести». Настя не спросила почему. Ей казалось, что если она спросит, то заказ отменят, а деньги уже были потрачены. Она заплатила за квартиру, купила краски, отдала долг за свет. Отказываться было поздно.

Машина не завелась с первого раза. Настя повернула ключ, услышала щелчок, потом тишину. Повернула ещё раз. Стартер хрипел, но двигатель не схватывал. Она вышла, открыла капот, посмотрела на него так, как будто могла что-то

понять. Ничего не поняла. Вернулась в салон, попробовала снова. Ничего.

Она сидела в машине минут десять, глядя на дорогу. Ни одной машины. Ни одного человека. Телефон показывал две палки, потом одну, потом ноль. Она подняла руку с телефоном к небу, как будто это могло помочь. Не помогло.

Ей нужен был телефон. Стационарный. В особняке она видела аппарат в холле, старый, чёрный, с диском. Он выглядел так, будто не работал лет двадцать, но попробовать стоило. Настя вышла из машины, взяла сумку, потому что не хотела оставлять инструменты, и пошла обратно к дому.

Солнце уже садилось. Тени стали длинными. Плющ на стенах казался чёрным. Она шла по дорожке и слышала только свои шаги и ветер. Где-то далеко крикнула птица, и этот крик был резким, как будто её кто-то напугал.

Дверь она оставила незапертой. Толкнула её, вошла в холл. Темнота внутри была другой, не как днём. Она была густой, живой, как будто дом проснулся, пока её не было. Настя включила фонарик, но свет показался ей слабым. Она сделала несколько шагов к телефону, и тут услышала голоса.

Сначала она подумала, что это ветер. Потом поняла, что нет. Голоса были низкие, мужские, и они шли из глубины дома. Из того крыла, где она работала. Где были фрески.

Настя остановилась. Сердце застучало где-то в горле, и она почувствовала, как пальцы на ногах поджались сами собой. Она должна была уйти. Развернуться, выйти, сесть в ма-

шину, вызвать такси, что угодно. Но она не ушла. Она стояла и слушала.

«Ты думал, я не узнаю?»

Этот голос был другим. Спокойный. Ровный. Как будто человек говорил о погоде, а не о чём-то, от чего у Насти начали холодеть руки.

«Я не знал. Клянусь, я не знал».

Второй голос дрожал. Он был выше, быстрее, в нём была мольба. Настя слышала такую мольбу только в кино. Она не думала, что в жизни так бывает.

«Ты знал. Ты всегда знал. Ты просто думал, что я не найду».

Шаг. Скрип паркета. Тишина.

Настя сделала шаг вперёд. Не потому что хотела. Просто ноги пошли сами. Она заглянула в коридор, который вёл в западное крыло, и увидела свет. Не от её фонарика. Другой. От лампы. Кто-то принёс лампу.

Она подошла ближе. Заглянула в дверной проём.

И застыла.

Комната, где она работала весь день, изменилась. Пленка, которую она расстилала на полу, была сдвинута. Инструменты разбросаны. В центре, на коленях, стоял человек. Молодой, лет тридцати, в тёмной рубашке, которая была мокрой от пота. Его руки были связаны за спиной. Лицо разбито. Кровь на губе, на подбородке, на воротнике. Он смотрел вверх, на того, кто стоял перед ним.

Настя перевела взгляд.

Он стоял спиной к ней. Высокий. Широкие плечи, тёмный пиджак, идеально сидевший, как будто его сшили на заказ. Тёмные волосы, коротко стриженные. В руке — ничего. Просто рука, опущенная вдоль тела. Он не двигался. Он просто стоял и смотрел на человека на коленях.

«Я дал тебе шанс», — сказал он. Голос был тот самый. Ровный. «Ты им не воспользовался».

Человек на коленях заплакал. Настя никогда не видела, чтобы мужчины так плакали. Беззвучно, только плечи тряслись, и слёзы капали на пленку, на которой она сегодня утром разложила кисти.

Она сделала шаг назад. Паркет скрипнул.

Мужчина обернулся.

Настя увидела его лицо и почему-то первым делом подумала не о том, что он опасен. Она подумала, что он красивый. Неправильно красивый. Такой, каким бывает оружие: холодное, гладкое, без единой лишней детали. Тёмные глаза, тяжёлая челюсть, тонкая линия губ. На левой брови — маленький шрам, почти незаметный. Он смотрел на неё, и в его взгляде не было ни удивления, ни злости. Только пустота. Как будто он смотрел на стену.

Настя хотела закричать. Не смогла. Хотела убежать. Ноги не двинулись. Она стояла в дверном проёме, прижавшись плечом к косяку, в руках — банка с растворителем, которую она даже не помнила, как взяла. На пальцах — синяя крас-

ка. Она чувствовала запах скипидара и понимала, что этот запах сейчас единственное, что держит её в реальности.

Он сделал шаг к ней. Один. Медленно.

Настя не отступила. Не потому что была смелой. Просто не могла.

«Ты кто?» — спросил он.

Она открыла рот. Голос не вышел. Она сглотнула и попробовала снова.

«Я... я здесь работаю. Реставратор. Фрески».

Он посмотрел на стену. Потом на неё. Потом на банку в её руках.

«Ты пришла после шести».

Это не был вопрос. Настя кивнула. Он замолчал. Долго. Слишком долго. Человек на коленях всхлипнул, и этот звук был как удар.

«Ты видела», — сказал он.

Настя не ответила. Она не знала, что сказать. Да, видела. Нет, не видела. И то и другое было правдой.

Он подошёл ближе. Теперь между ними было два шага. Она видела его лицо лучше. Усталое. Не злое. Просто усталое, как у человека, который давно не спал. Это было хуже, чем злость. Злость можно понять. Усталость — нет.

«Ты не кричишь», — сказал он.

«Не могу», — ответила она. Честно, потому что врать было нечем.

Он посмотрел на её руки. На синие пальцы. На банку. По-

том снова на лицо.

«Кто ты?»

«Настя».

«Настя», — повторил он. Как будто пробовал имя на вкус.

«Настя. Реставратор».

Она кивнула.

Он обернулся к человеку на коленях. Посмотрел на него, потом снова на неё. И Настя увидела, как что-то в его лице изменилось. Не мягкость. Не жалость. Просто решение. Он принял его, и она поняла это без слов.

«Выйди», — сказал он ей.

Настя не двинулась.

«Выйди», — повторил он. Голос стал твёрже. «Жди в холле».

Она вышла. Не помнила, как повернулась, как пошла, как дошла до холла. Помнила только, что села на пол у стены, потому что ноги больше не держали. Банка с растворителем стояла рядом на паркете. Она смотрела на неё и думала: зачем я её взяла.

Из глубины дома донёсся звук. Один. Короткий. Как будто уронили что-то тяжёлое. Потом тишина. Настя закрыла глаза и не открывала, пока не услышала шаги.

Он вышел в холл. Один. Руки чистые. Ни капли крови. Настя посмотрела на его руки и не поняла, как это возможно. Она знала, что там, в комнате, всё было в крови. Она видела.

«Вставай», — сказал он.

Она встала. Медленно, держась за стену.

Он смотрел на неё. Долго. Она не отводила взгляд. Не потому что была храброй. Просто не могла. Как кролик перед удавом. Только удав не двигался. Он думал.

«Телефон у тебя?»

Настя покачала головой. «В машине. Она не завелась».

Он кивнул. Как будто это всё объясняло. Потом достал свой телефон, набрал номер, сказал в трубку: «Кирилл. Ко входу». Отключил. Убрал телефон во внутренний карман. Всё это время он не сводил с неё глаз.

«Тебя отвезут домой», — сказал он.

«Я...» — начала она.

«Тебя отвезут домой», — перебил он. Не грубо. Просто так, как говорят вещи, которые не обсуждаются. «И ты забудешь то, что видела».

Настя хотела сказать, что не сможет забыть. Что такое не забывается. Что она теперь будет видеть это во сне. Но вместо этого просто кивнула.

Он смотрел на неё ещё секунду. Потом отвернулся. И это было хуже всего. Потому что в этом повороте было что-то окончательное. Как будто он её уже похоронил. Как будто она перестала существовать в тот момент, когда он отвёл взгляд.

У входа остановилась машина. Чёрная, без опознавательных знаков. Из неё вышел мужчина. Молодой, с быстрыми глазами. Он посмотрел на Настю, потом на него.

«Это кто?»

«Никто», — ответил он.

Настя вздрогнула. Не от страха. От слова. Никто. Она стояла в двух метрах от него, живая, с банкой растворителя в руках, с синей краской на пальцах, и он говорил о ней так, как будто её уже не было.

«Отвези её домой», — сказал он. «И запиши адрес».

Мужчина кивнул. Открыл заднюю дверь. Настя пошла к машине. Она не оглянулась. Просто шла и смотрела на свои ноги. Левая. Правая. Левая. Правая. Как будто это могло её успокоить.

Когда она садилась, то всё-таки обернулась.

Он стоял на крыльце особняка. Тёмный силуэт на фоне тёмного дома. Не двигался. Смотрел. Ветер шевелил его пиджак, и это было единственное, что говорило о том, что он живой. Настя смотрела на него через стекло. Он не отвёл взгляд. Просто стоял и смотрел, как машина уезжает.

И она поняла, что запомнила его лицо. Не потому что хотела. Потому что такие лица не забываются. Они остаются. Как краска на пальцах. Как запах скипидара. Как вкус лака на ногте.

Машина выехала на шоссе. Мужчина за рулём молчал. Настя тоже. Она смотрела в окно и не видела ничего. Только темнота. Только деревья. Только собственное отражение, бледное, чужое.

Когда её высадили у подъезда, она вышла, не сказав ни

слова. Мужчина уехал. Она стояла на улице, смотрела на свой дом, на окна, на свет в соседней квартире, на кота, который сидел на подоконнике у соседей с третьего этажа. Всё было как всегда. И всё было другое.

Она поднялась наверх. Открыла дверь. Вошла. Закрыла. Сняла куртку. Обувь. Пошла в ванную. Включила воду. Посмотрела в зеркало.

Из зеркала на неё смотрела женщина, которая видела то, что не должна была видеть. С синей краской на пальцах. С чужой кровью на подошве кроссовок, которую она заметила только сейчас. С пустыми глазами.

Настя смыла краску. Долго тёрла пальцы, пока не стало больно. Смыла кровь с кроссовок. Потом села на пол в ванной, обхватила колени руками и просидела так до утра. Не плакала. Не могла. Просто сидела и думала о том, что он сказал.

Никто.

Она не знала его имени. Не знала, кто он. Не знала, что теперь будет. Знала только одно: он запомнил её адрес. И это было хуже всего.

Утром она не пошла на работу. Не позвонила клиентке. Не взяла телефон. Просто лежала на кровати и смотрела в потолок. Где-то в глубине квартиры тикали часы. Где-то на улице лаяла собака. Где-то в мире шла жизнь.

Она смотрела на свои руки. Чистые. Без краски. Без крови. Как у всех.

И понимала, что это ложь.

Правила тишины

Первые сутки Настя проспала. Просто отключилась около семи утра, прямо на полу в ванной, и проснулась только ко вечеру. Тело решило за неё: если не можешь думать, не думай. Она открыла глаза, не сразу поняла, где находится, потом увидела плитку, коврик, край ванны и всё вспомнила. Вспомнила так резко, что её вырвало. Пусто, потому что она ничего не ела. Желчью. Она долго полоскала рот, чистила зубы, смотрела на себя в зеркало и не узнавала.

Потом был второй день. Она не пошла на работу. Не потому что решила не идти, просто не смогла. Сидела на кухне, пила чай, который остывал в кружке, и смотрела на стену. На стене висела репродукция Ван Гога, которую она купила на распродаже. Подсолнухи. Она смотрела на них и думала: у Ван Гога тоже была кровь, он тоже видел то, что не надо было видеть. Потом одёрнула себя: что за глупости. Какая кровь. Она же ничего такого не сделала. Она просто видела.

К вечеру второго дня она взяла телефон. Он был разряжен. Она поставила его на зарядку, ждала, пока включится, смотрела на экран. Пять пропущенных от клиентки. Женщина, которая оформляла заказ, звонила пять раз. Настя не стала перезванивать. Она вообще не знала, что сказать.

На третий день ей привезли машину.

Она услышала сигнал под окнами, выглянула. Её старень-

кая «Лада» стояла во дворе. Рядом стоял чёрный внедорожник, из которого вышел мужчина. Молодой, коротко стриженный, в тёмной куртке. Он не смотрел вверх, не искал её окно. Просто оставил машину, сел в свою и уехал. Всё. Как будто так и должно было быть.

Настя спустилась через полчаса. Долго стояла у машины, не решаясь открыть. Потом открыла. Внутри всё было на месте: сумка с инструментами, бутылка воды, старая куртка на заднем сиденье. И запах. Запах скипидара и ещё чего-то. Чего-то чужого. Она завела двигатель. Завелся с первого раза, как будто ничего и не было.

Она поехала на работу. В мастерскую. Потому что это было единственное, что оставалось делать.

Мастерская у неё была маленькая. Две комнаты в старом здании на Бауманской, с высокими потолками и огромными окнами, которые пропускали много света, но и много холода. Настя снимала её четыре года. Платила вовремя, не жаловалась, работала тихо. Хозяйка, женщина лет шестидесяти, иногда заходила, пила с ней чай, рассказывала про сына, который уехал в Германию. Настя кивала, слушала. Это была её социальная жизнь. Чай с хозяйкой раз в месяц.

Она открыла мастерскую, включила свет, надела фартук. Посмотрела на мольберт, на банки с кистями, на палитру. Всё как обычно. И всё чужое. Она взяла кисть, посмотрела на неё, положила обратно. Села на табурет. Просидела час. Ничего не сделала.

В голове было только одно лицо. Тёмные глаза. Тонкая линия губ. Шрам на брови. Она не хотела его вспоминать. Оно вспоминалось само. Как будто кто-то включил в голове проектор, и он не выключался.

Настя взяла альбом. Он лежал на столе, старый, с почти закончившимися страницами. Она открыла на чистом листе. Взяла карандаш.

И начала рисовать.

Не думала. Просто рука пошла. Линии, тени, контур. Она рисовала его лицо. По памяти. Точно. Так, как будто сидела напротив и смотрела. Глаза, нос, губы, шрам. Всё. Двадцать минут, и на листе появился он. Настя отложила карандаш и уставилась на рисунок. Она не понимала, зачем это сделала. Не понимала, почему помнит каждую деталь. Она видела его, может, минуту. Может, две. Как можно запомнить так точно.

Она закрыла альбом. Убрала в ящик. Но перед глазами он остался.

К вечеру пришёл конверт.

Не по почте. Его принесли. Настя услышала стук в дверь мастерской, открыла. На пороге стоял парень, совсем молодой, лет восемнадцати, в куртке с логотипом курьерской службы. В руках конверт, плотный, белый, без марок.

«Воронова Настя?»

«Да».

«Вам».

Он отдал конверт и ушёл. Настя закрыла дверь, посмотрела на конверт. Потом открыла. Внутри были деньги. Много. Больше, чем она зарабатывала за полгода. Она пересчитала. Пересчитала ещё раз. Потом достала записку. Маленький листок, сложенный пополам. Печатные буквы. Не от руки. «Забудь, что видела».

Всё. Ни подписи, ни объяснений.

Настя села на пол. Деньги лежали рядом. Она смотрела на них и думала: это за молчание. Это чтобы она не пошла в полицию. Это цена её тишины.

Она взяла деньги в руки. Они были новые, хрустящие, как будто только из банка. Она подумала о том, что может сделать с ними. Заплатить за квартиру на год вперёд. Купить новые кисти. Съездить куда-нибудь. Или просто положить на счёт и не трогать. Как будто их нет. Как будто ничего не было.

Она убрала конверт в сумку. Записку не выбросила. Не знала, зачем оставила. Просто рука не поднялась.

Ночью она не спала. Лежала в постели, смотрела в потолок, слушала, как тикают часы. Мысли шли по кругу. Кто он. Что он. Почему отпустил. Как его зовут. Она не знала даже имени. Человек без имени. Просто лицо. Просто голос. Просто взгляд.

Она встала, пошла на кухню, налила воды. Выпила. Посмотрела в окно. Город спал. Фонари горели, машины проезжали редко, где-то далеко играла музыка. Обычная ночь.

Обычная жизнь.

Только вот она перестала быть обычной.

На четвёртый день Настя вернулась к работе. По-настоящему. Открыла мастерскую, достала старую картину, которую реставрировала уже месяц. Пейзаж, девятнадцатый век, неизвестный художник. Краска осыпалась, холст провис. Она работала медленно, аккуратно, но не чувствовала того, что обычно. Не было погружения. Не было растворения. Было просто механическое движение рук. Как будто она делала работу за кого-то другого.

В обед она вышла на улицу. Купила кофе в ларьке, села на скамейку. Смотрела на прохожих. Молодая мама с коляской. Старик с собакой. Двое студентов с наушниками. Все куда-то шли. У всех были свои дела, свои мысли, свои тайны. Настя смотрела на них и думала: никто из вас не знает, что я видела. Никто из вас не знает, что я теперь другая.

Она допила кофе. Встала. Пошла обратно.

И не заметила, как через дорогу, у чёрной машины, стоял человек и смотрел на неё.

Он приехал утром. Не планировал. Просто сел в машину и поехал. Адрес он помнил. Кирилл записал. Матвей не спрашивал зачем. Просто взял листок, посмотрел, запомнил. У него была хорошая память. Иногда слишком хорошая.

Он не знал, зачем едет. Говорил себе: проверить. Убедиться, что она не пошла в полицию, что не звонит кому не надо, что не делает глупостей. Разумное объяснение. Он в него

почти верил.

Мастерская была в старом здании, на втором этаже. Окна большие, видно всё. Матвей припарковался напротив, в тени дерева. Вышел, закурил. Прислонился к машине. Смотрел вверх.

Она сидела у окна. Он видел её профиль. Видел, как она наклоняется над столом, как берёт кисть, как смотрит на холст. Она работала. Спокойно. Сосредоточенно. Как будто ничего не случилось. Как будто она не видела того, что видела.

Он докурил сигарету, потушил о подошву, бросил в урну. Достал вторую. Не потому что хотел, а потому что надо было чем-то занять руки. Он смотрел на неё и думал: почему она? Почему не закричала? Почему не убежала? Он видел страх в её глазах. Но не тот страх, к которому он привык. Не животный. Не паника. Что-то другое. Как будто она понимала больше, чем должна была.

Он навёл справки. Кирилл принёс папку на следующий день. Тонкую. Настя Воронова, двадцать четыре года. Родители погибли в аварии, когда ей было шесть. Воспитывала бабушка, умерла два года назад. Образование: художественное училище, потом курсы реставрации. Работает одна. Друзей нет. Парня нет. Кредитов нет. Долгов нет. Полиция не звонила. Никто не звонил. Тихая. Чистая. Не из его мира.

Он прочитал папку дважды. Потом закрыл, убрал в ящик. И весь день не мог перестать думать о том, что она там, в сво-

ей мастерской, сидит у окна и работает. Как будто её жизнь не разделилась на до и после.

Матвей не привык к сомнениям. Он принимал решения быстро и не оглядывался. Так было всегда. Так его учили. Так он выжил. Но с ней было что-то не так. Он отпустил её. Не должен был. По всем правилам, по всем законам его мира, он должен был её убрать. Свидетель. Лишний человек. Риск. Но он отпустил. И теперь не мог понять почему.

Может, потому что она не кричала.

Он видел много людей перед смертью. Они кричали, плакали, умоляли, обещали, угрожали. Она не сделала ничего. Просто стояла и смотрела. Как будто уже знала, что будет. Как будто приняла.

Он докурил вторую сигарету. Посмотрел на часы. Полдень. Он стоял здесь уже час. Пора было уезжать. Дела, люди, встречи. Он не мог торчать на улице и смотреть на окно чужой мастерской. Это было бы странно. Это было странно уже сейчас.

Он сел в машину. Завёл двигатель. Посмотрел в зеркало заднего вида. Окно. Она всё ещё там. Он мог бы поехать. Просто нажать на газ и уехать. Он так и сделал.

Но через два дня вернулся.

Она не заметила его. Ни в первый раз, ни во второй. Настя вообще не смотрела в окно. Она смотрела на холст. На краску. На свои руки. Она пыталась вернуться в ту жизнь, где не было тёмных глаз и запаха чужой крови. Получалось плохо.

На третий день после конверта она нашла телефон.

Она собиралась домой. Складывала инструменты в сумку, и рука наткнулась на что-то твёрдое. Настя замерла. Открыла сумку шире. Внутри, между банкой с лаком и старыми тряпками, лежал телефон. Не её. Её был в кармане. Этот был чужой. Тонкий, чёрный, без чехла. Экран тёмный.

Настя вытащила его. Держала в руке, как будто это было что-то живое. Она не помнила, как он там оказался. Не помнила, чтобы брала чей-то телефон. Не помнила, чтобы кто-то его ей давал. Он просто был там. Как будто появился сам.

Она нажала кнопку. Экран загорелся. Заставка: чёрный фон, ничего больше. Ни имени, ни уведомлений. Только время. Она провела пальцем, экран разблокировался. Без пароля. Без отпечатка. Просто открылся.

Настя уставилась на него. Потом начала листать. Контакты. Пять номеров. Без имён. Просто цифры. Сообщения. Пусто. Галерея. Пусто. Камера. Пусто. Заметки. Пусто. Всё было пусто. Только один файл. Видео. Одно. Без названия.

Она смотрела на него. Палец завис над экраном. Нажать? Не нажать? Она не знала, что там. Не знала, кто это оставил. Не знала, зачем. Но понимала одно: это не случайно. Телефон не мог появиться в её сумке сам. Кто-то его туда положил. Кто-то хотел, чтобы она его нашла.

Она не стала открывать видео. Не в мастерской. Не сейчас. Она выключила экран, положила телефон обратно в сумку, застегнула молнию. Потом села на табурет и проси-

дела так минут десять. Просто сидела и смотрела на стену.

Потом встала, взяла сумку, вышла. Закрыла мастерскую. Пошла домой. По дороге она чувствовала сумку на плече. Она была тяжелее, чем должна была быть. Или ей казалось.

Дома она достала телефон. Положила на стол. Села напротив. Смотрела на него. Чёрный прямоугольник. Молчит. Ждёт.

Настя налила себе воды. Выпила. Потом взяла телефон, включила, открыла видео.

На экране появилось изображение. Тёмное. Снято сверху. Комната. Та самая комната. Особняк. Она узнала стену, фрески, пол. Узнала пленку, которую сама расстилала. И людей. Трое. Один стоял спиной. Двое других держали третьего. Связанного. Того самого. Молодого, в тёмной рубашке.

Настя смотрела. Не дышала. На экране человек, который стоял спиной, обернулся. Она увидела его лицо. Тёмные глаза. Шрам на брови. Он смотрел прямо в камеру. Как будто знал, что его снимают. Потом он сказал что-то. Звук был плохой, шипение, но она разобрала: «Хватит».

Видео оборвалось.

Настя отложила телефон. Руки дрожали. Она сжала их в кулаки, потом разжала. Посмотрела на экран. Видео закончилось, но она всё ещё видела его лицо. Он смотрел в камеру. Смотрел на неё.

Она не знала, что это значит. Не знала, кто снял это видео. Не знала, зачем оно у неё. Но понимала: это не просто так.

Это предупреждение. Или приглашение. Или что-то ещё, чего она пока не могла понять.

Она выключила телефон. Убрала в ящик кухонного стола. Под скатерть. Как будто это могло его спрятать.

Потом пошла в спальню, легла, закрыла глаза. И весь остаток ночи лежала с открытыми глазами, глядя в темноту и слушая, как громко стучит собственное сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.